

.21 .1 1906

W. Cutty

Памяти В. И. Сизова.

† 19 октября 1904 г.

Д. Н. Анучин.

19 октября 1904 г. скоропостижно скончался один из старейших сочленовъ И. Моск. Арх. Общ. Владими́р Ильи́ч Сизовъ. Смерть его, повидимому, была безболезненна; онъ заснула вечеромъ и не проснулся утромъ; на лицѣ умершаго не видно было отпечатка страданій и болѣзни; онъ лежалъ какъ бы спящимъ, съ легкой улыбкой человѣка, уставшаго отъ жизни и прилегшаго отдохнуть...

Покойный былъ членомъ Археол. Общества съ 1877 г., слѣд. въ теченіе 27 лѣтъ. Онъ былъ избранъ въ члены - корреспонденты 3 октября 1877 г. и въ дѣйствит. члены съ ноября 1881 г. Мнѣ не привелось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности въ Обществѣ. Хотя я былъ избранъ въ дѣйств. члены Общества еще въ 1875 г., т. е. за два года до вступленія въ Общество В. И-ча, но въ 1877—78-мъ и въ началѣ 1879-го года я находился въ заграничной командировкѣ и только съ осени 1879-го года могъ снова принять болѣе близкое участіе въ занятіяхъ Общества. Но изъ протоколовъ засѣданій Общества тѣхъ лѣтъ видно, что покойный, послѣ его избранія въ члены, сталъ почти постоянно бывать въ собраніяхъ Общества, и его имя фигурируетъ въ числѣ наиболѣе усердныхъ ихъ посѣтителей. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ уже принимаетъ дѣятельное участіе въ археологическихъ раскопкахъ и развѣдкахъ, заявляетъ себя неутомимою дѣятельностью по Историческому Музею, выступаетъ часто въ засѣданіяхъ Общества съ собственными докладами и съ замѣчаніями по поводу другихъ рефератовъ, публикуетъ свои труды въ изданіяхъ Общества, а затѣмъ и Имп. Археол. Коммиссіи, проявляется вообще страстью любовь къ исторіи искусства, доисторической археологіи, русскимъ древностямъ и неутомимо трудится до конца дней своихъ въ излюбленной имъ отрасли археологическихъ исканій. Общество уже отдало формальный долгъ памяти покойного возложеніемъ вѣнка на его гробъ и присутствовало въ лицѣ своихъ представителей на

его отиѣванія. Но наша нравственная обязанность помянуть его и словомъ, напомнить объ его трудахъ и заслугахъ въ той области вѣдѣнія и распространенія знаній, которая составляетъ и область занятій Общества, и почтить выраженіями благодарности память одного изъ его дѣятельныхъ членовъ, посвятившаго, можно сказать, всю свою жизнь—служению археологической наукѣ.

В. И. родился въ Москвѣ, въ 1840 г., но еще ребенкомъ переселился со своими родителями въ Крымъ, гдѣ послѣ домашней подготовки поступилъ въ Симферопольскую гимназію. Покойный какъ-то говорилъ мнѣ, что эта гимназія оставила въ немъ пріятную и благодарную память; директоръ гимназіи былъ, повидимому, хороший педагогъ, въ ряду учителей были многіе, пользующіеся любовью иуваженіемъ своихъ учениковъ. Крымская война однако вызвала временное закрытие гимназіи, и воспитанники ея были переведены въ Херсонъ. Окончивъ В. И. свое среднее образование уже въ Москвѣ, въ 1-ой гимназіи, откуда и поступилъ въ Моск. университетъ, на историко-филолог. факультетъ. Здѣсь лекціи Буслаева, Соловьева, Тихонравова и другихъ профессоровъ способствовали развитію въ немъ склонности къ изученію исторіи и древностей; тѣмъ не менѣе, по причинамъ, мнѣ неизвѣстнымъ, В. И. не прошелъ этого факультета до конца, а перешелъ на юридическій факультетъ, на которомъ и окончилъ курсъ со званіемъ кандидата правъ. Матеріальное положеніе его въ это время не было благопріятнымъ; находясь на ист.-фил. факультетѣ, онъ вынужденъ былъ ходатайствовать о казенной стипендіи и получать ее въ теченіе двухъ лѣтъ, но затѣмъ, въ виду перехода его на юридич. факультетъ,—какъ я слышалъ отъ вдовы покойного—его обязали возвратить въ казну полученные имъ деньги, что имъ и было исполнено впослѣдствіи изъ скучнаго своего заработка. Окончивъ курсъ на юридич. факультетѣ, В. И. не утратилъ однако интереса къ исторіи и сталъ стремиться къ тому, чтобы получить мѣсто преподавателя этого предмета. Для этого ему пришлось поступить на педагогические курсы, основанные тогда въ Москвѣ для приготовленія преподавателей, при 1-й гимназіи, и на которыхъ онъ слушалъ Тихонравова и другихъ профессоровъ.

По окончаніи педагогич. курсовъ, ему была предложена должность преподавателя въ одной изъ гимназій Моск. Учебн. Округа, но покойному не улыбалась перспектива тянуть учительскую лямку въ одномъ изъ среднерусскихъ провинціальныхъ городовъ. Его тянуло на югъ, гдѣ богаче природа, гдѣ оригинальнѣе населеніе и его бытъ. Онъ выбралъ Кутаисъ, куда и отправился въ качествѣ преподавателя исторіи въ мѣстной гимназіи, получивъ вскорѣ затѣмъ и уроки по тому же предмету въ Кутаисскомъ дворянскомъ женскомъ институтѣ. Здѣсь, въ Кутаисѣ, В. И. провелъ три года, которые не остались, повидимому, безъ вліянія на его дальнѣйшее духовное развитіе. Присматриваясь къ быту и обстановкѣ мѣстнаго населенія Закавказья, къ древностямъ края, его стариннымъ хра-

мамъ, монастырямъ—онъ получиль усиленный интересъ къ этнографіи и археологіи. Каждое лѣто онъ отправлялся съ кѣмъ-нибудь изъ товарищевъ или знакомыхъ въ экскурсіи, верхомъ по горамъ и ущельямъ, доѣзжалъ до персидской границы, и его страсть и способность къ рисованію, проявлявшіяся у него еще въ дѣтствѣ, нашли себѣ здѣсь богатое поле для проявленія. Не получивъ систематической художественной подготовки, В. И. быль однако страстный художникъ-любитель и это не мало помогало ему въ его археологической практикѣ (онъ зарисовывалъ всегда въ альбомъ различныя стадіи своихъ раскопокъ), а также дало впослѣдствіи возможность приложить знанія и способности въ этой области къ потребностямъ художественной обстановки сцены на Имп. театрахъ Москвы и къ дѣятельности въ сферѣ художественной критики.

Какъ ни заинтересовалъ сначала В. И-ча Кутаисъ и его окрестности, однако за три года пребыванія здѣсь покойный успѣль достаточно соскучиться по Москвѣ, гдѣ къ тому же устраивалась въ это время (1867 г.) этнографическая выставка. В. И. настолько заинтересовался этой выставкой, что помѣстилъ о ней статью въ одномъ изъ московскихъ органовъ печати; статья эта, оставшаися мнѣ, неизвѣстною, была кажется его первымъ печатнымъ произведеніемъ. Переѣхавъ въ Москву, В. И. познакомилъ со многими представителями педагогического міра и при содѣйствіи ихъ поступилъ преподавателемъ исторіи въ Николаевскій женскій институтъ. Здѣсь онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ преподавателемъ исторіи В. И. Поваляевымъ и преподавателемъ русской словесности В. Н. Виноградскимъ, изъ коихъ послѣдній, любитель искусства и читавшій въ педагогическомъ классѣ института исторію искусствъ, оказалъ повидимому, извѣстное вліяніе на дальнѣйшія духовныя стремленія В. И-ча. Кромѣ института В. И. преподавалъ еще въ одной гимназіи и въ Петровцовской школѣ, но съ занятіемъ должности инспектора института В. Як. Стоюнинымъ, сосредоточилъ свою дѣятельность исключительно въ Институтѣ, гдѣ ему было предоставлено большее число уроковъ. Съ В. Я. Стоюнинымъ покойного связывала тѣсная дружба, и когда въ 1878 г. Стоюнинъ вынужденъ быль оставить свою должность, вслѣдъ за нимъ въ скоромъ времени вышелъ въ отставку и В. И., а также и нѣкоторые другіе преподаватели (наср. г. Езучевскій). Въ виду того, что къ этому времени за В. И-чемъ насчитывалось уже 15 лѣтъ службы, онъ получилъ пенсию въ размѣрѣ 900 р., которая, вмѣстѣ въ нѣсколькими частными уроками, давала ему возможность существовать. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности въ Институтѣ В. И. читалъ въ старшемъ педагогическомъ классѣ курсъ по исторіи искусствъ и занимался составленіемъ картинъ по русской исторіи (изображеній великихъ князей и царей въ костюмахъ соотвѣтственныхъ эпохъ), которые были изданы и скоро разошлись, такъ что въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость.

Въ началѣ 80-хъ годовъ В. И-чу открылось новое поприще дѣятельности. Еще до вступленія своего въ члены Археологического Общества, онъ получилъ доступъ въ домъ гр. А. С. Уварова, бывалъ и въ Порѣчье, и графъ имѣлъ возможность убѣдиться въ страстной любви молодого человѣка къ исторіи, древностямъ и искусству, а также и въ его способности владѣть карандашемъ и кистью. Совмѣстная дѣятельность въ Археологич. Обществѣ еще болѣе скрѣнила это знакомство, и когда въ маѣ 1881 года графъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ строительной комиссіи Исторического музея, онъ, нуждаясь въ дѣльномъ, старательномъ и преданномъ ему помощникѣ, пригласилъ В. И-ча, въ качествѣ своего секретаря по Музею. Музей въ то время представлялъ голое зданіе, безъ оконъ, дверей и даже потолковъ, а между тѣмъ нужно было, согласно желанію, выраженному Государемъ Императоромъ Александромъ III, въ два года не только отстроить музей, но и отѣлать и наполнить десять его залъ. Предстояло и наблюдать за постройкой, и торопить ея окончаніе, и вырабатывать орнаментацію стѣнъ, дверей, оконъ, и заказывать картины художникамъ, и приобрѣтать копіи съ древнихъ художественныхъ памятниковъ, и собирать коллекціи древностей для наполненія ими первыхъ залъ Музея. Во всей этой разнообразной дѣятельности В. И. былъ неутомимымъ помощникомъ покойнаго графа. Онъ и за постройкой слѣдилъ, и учитывалъ строительные материалы, и вѣль сношенія съ художниками, иѣздили въ Херсонъ торговаться съ П. О. Бурачковымъ, уступившимъ Музею свою богатую коллекцію древностей изъ Ольвіи и Керчи, и напинавъ древности на картоны, и принималъ участіе въ обсужденіи различныхъ деталей по устройству коллекцій и орнаментаціи залъ. Къ его же содѣйствію обратился графъ Уваровъ, когда выяснилась необходимость собиранія русскихъ доисторическихъ древностей путемъ раскопокъ на мѣстахъ. Въ первый же годъ своего управления Музеемъ, графъ намѣтилъ раскопки въ Воронежской, Ярославской, Смоленской, Киевской и Черниговской губерніяхъ и поручилъ ихъ А. И. Кельсіеву, А. К. Ивановскому, В. И. Сизову и В. Б. Антоновичу. В. И-чу досталась Смоленская губернія, и графъ далъ ему подробныя указанія относительно раскопокъ, которыми ему предстояло заняться. Лѣтомъ 1881 г. В. И. отправился въ Гнѣздово близъ Смоленска и здѣсь произвелъ замѣчательныя раскопки, ознакомившія съ обстановкою богатаго погребенія съ трупосожженіемъ велиокняжеской эпохи X вѣка. Добытое здѣсь оружіе и другіе предметы, древность которыхъ датируются найденной совмѣстно византійской золотой монетой, составило цѣнную коллекцію, украшающую теперь одну изъ залъ Истор. Музея.

Лѣтомъ слѣдующаго 1882 г. В. И. былъ командированъ графомъ для раскопокъ въ станицу Сѣверскую (въ 50 вер. отъ Екатеринодара, за Кубанью), откуда ранѣе были доставлены въ Музей характерныя золотыя издѣлія. Здѣсь В. И-чемъ былъ раскопанъ большой курганъ

до 7 саж. высотой, на вершинѣ которой, въ ямѣ, были найдены казаками каменные гробницы съ золотыми вещами и золот. монетой Перисада II; раскопка показала, что эти гробницы находились въ позднейшей присыпкѣ, въ которой были найдены также лошадиные кости и удила; самый же курганъ оказался болѣе древнимъ и въ основаніи его были найдены окрашенные костяки, очевидно начала бронзовой эпохи. Въ томъ же году В. И-чесъ, при содѣствіи В. Д. Соколова, продолжались и раскопки кургановъ Смолен. губерніи, куда онъѣздилъ и лѣтомъ 1883 г. вмѣстѣ съ гр. Уваровымъ. Лѣтомъ 1884 года В. И. былъ командированъ еще на Донъ для разысканія слѣдовъ Саркела или Бѣлой Вѣжи русскихъ лѣтописцевъ. Изъ Новочеркасска онъ проѣхалъ къ станицѣ Раздорской и вверхъ по Дону до станицы Качалинской, причемъ производилъ пробныя раскопки въ разныхъ мѣстахъ, а не доѣзжая иѣсколько верстъ до станицы Цимлянской нашелъ слѣды обширнаго городища съ высокими валами и остатками толстыхъ кирпичныхъ стѣнъ, причемъ найденныя вещи (черепки посуды, остатки мозаики и т. д.) выказывали извѣстное сходство съ добытыми изъ развалинъ Болгаръ на Волгѣ.

29 дек. 1884 г. скончался гр. Уваровъ и въ засѣданіи Общества 28 февр. 1885 г. В. И. помянулъ рѣчью непродолжительную, но высокоплодотворную дѣятельность покойнаго строителя Исторического Музея. Какъ извѣстно, гр. Уваровъ составилъ себѣ высокій идеалъ дѣятельности этого учрежденія; по его плану музей долженъ быть не только хранилищемъ поступающихъ въ него древностей, но живымъ, научнымъ учрежденіемъ, занимающимся изысканіемъ древностей, описаніемъ и изученіемъ ихъ, распространеніемъ археол. свѣдѣній въ обществѣ. При Музѣи долженъ быть издаваться журналъ, устраиваться лекціи, въ него должны были привлекаться молодые люди, окончившие университетъ, изъ коихъ недостаточнымъ предполагалось даже выдавать стипендіи и т. д. По смерти графа мѣсто его занялъ нашъ маститый ученый, знатокъ русскихъ древностей И. Е. Забѣлинъ, а съ утвержденіемъ штатовъ Музея — его хранителемъ сталъ А. В. Орѣшниковъ, еще ранѣе сблизившійся съ Музеемъ при посредствѣ В. И. Сизова. Самъ В. И. занялъ мѣсто ученаго секретаря, принадлежавшее ему по праву, какъ старѣшему послѣ графа Уварова дѣятелю музея, исправлявшему секретарскія обязанности еще съ 1881 года.

По кончинѣ графа, занявшая его постъ предсѣдателя въ Арх. Обществѣ, графиня П. С. Уварова поставила скоро на очередь вопросъ объ археолог. изученіи Кавказа и восточныхъ губерній. И тутъ В. И. явился однимъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ работниковъ. Еще ранѣе, лѣтомъ 1884 г., находясь въ Крыму, онъ произвелъ раскопки на древнемъ кладищѣ у Біа-Сала, въ 10 вер. къ югу отъ Бахчисарая, въ долинѣ р. Качи, кладищѣ, которое археологи считали готскимъ, но раскопки въ которомъ показали, что оно относится къ гораздо болѣе поздней эпохѣ и, повидимому, заключаетъ въ себѣ могилы грековъ,

въ эпоху ихъ переселенія сюда по завоеваніи Крыма. Черепа изъ этихъ могиль любопытны однако по выказываемъ ими явнымъ признакамъ искусственной деформациі и по сохранившимся на нихъ, въ волосахъ, бронзовымъ украшениямъ, въ видѣ цѣпочекъ и привѣсокъ. Лѣтомъ 1886 г. В. И. былъ командированъ Арх. Обществомъ, одновременно съ Н. В. Никитинымъ, для археол. изслѣдований на Кавказъ; онъ проѣхалъ по Черноморскому побережью отъ Новороссійска до Сухума и по Кубанской области, причемъ произвелъ раскопки въ двухъ мѣстахъ близь Сухума и около станицы Натухайской. Около Сухума имъ были найдены въ одномъ мѣстѣ слѣды греческой культуры начала нашей эры, а въ другомъ—грузинскія древности XIII вѣка; около Натухайской станицы имъ были раскопанъ курганъ, давшій украшения изъ серебра и монеты Узбека и Джанибека XIV в. Обслѣдованы были также нѣкоторые другие могильники и два дольмена. Результаты этихъ развѣдокъ и раскопокъ дали материаль для нѣсколькихъ сообщеній въ Арх. Обществѣ, а затѣмъ были обработаны В. И-чемъ въ большомъ труде, составившемъ 2-й выпускъ Матерыяловъ по археологіи Кавказа (178 стр., съ 26 табл. и 56 рис. въ текстѣ), изд. въ 1889 г. Весною того же года В. И. произвелъ раскопку городища близь Моршанска, у дер. Михайловки, гдѣ оказалось похоронное поле, сходное по найденнымъ вещамъ съ муромскими могильниками IX - X вѣковъ. Въ апрѣль 1887 г. В. И. демонстрировалъ въ засѣданіи Общества коллекцію любопытныхъ древностей, поступившихъ въ Истор. музей изъ раскопокъ Скорняковскихъ кургановъ, Задонского у. Воронеж. губ., и заключающую въ себѣ отлично оббитые кремневые наконечники стрѣлъ вмѣстѣ съ плоскими, коваными, бронзовыми наконечниками копій, оригинальными сосудами и т. д., найденные въ могилахъ ниже материка, прикрытыхъ деревянными шатрами и относящихся, очевидно, къ отдаленной эпохѣ начала бронзаго вѣка. Зимою того же года В. И. прочиталъ докладъ М. М. Ковалевскаго объ его археол. изысканіяхъ на Кавказѣ. Въ послѣдующіе годы В. И. выступалъ нерѣдко въ Обществѣ съ докладами о раскопкахъ другихъ лицъ и о новыхъ интересныхъ коллекціяхъ, поступавшихъ въ Истор. Музей.

Въ 1888 г. В. И. вошелъ въ Общество съ представленіемъ о желательности продолжать раскопки около стан. Цимлянской въ Донской области и въ юртахъ станицъ Раевской и Натухайской - Кубанской области. Въ этомъ предложеніи сказалась одна изъ характерныхъ чертъ археол. дѣятельности покойнаго. Онъ признавалъ недостаточнымъ довольствоваться бѣглыми, однократными раскопками извѣстнаго могильника или городища; онъ раздѣлялъ мнѣніе, что если извѣстная мѣстность указываетъ на возможность значительныхъ археологическихъ въ ней находокъ, относящихся къ продолжительной эпохѣ, необходимо систематическое ея изслѣдованіе въ теченіе ряда лѣтъ, Такъ онъ относился къ изслѣдованию смоленскихъ кургановъ, въ которыхъ производилъ раскопки, съ перерывами, въ теченіе 6 или

7 лѣтъ, такъ онъ ъздилъ четыре раза на раскопки Дьякова городица, два раза въ Кубань, область и т. д. Лѣтомъ 1888 года онъ отправился вторично для изслѣдованія городища, находящагося въ 4 вер. отъ станицы Раевской, и убѣдился, что культурные остатки его относятся къ варварской эпохѣ около начала нашей эры, когда данная мѣстность находилась подъ влияниемъ греческой культуры. Найдено было оружіе позднѣйшаго скиѳскаго характера, амфоры съ клеймами, много мелкихъ сосудовъ и т. д. Въ эту же поѣзду имъ былъ открытъ могильникъ XIII—XIV вѣковъ съ костиками въ дубовыхъ колодахъ, съ длинными жел. саблями и полушаровидными жел. шлемами, съ фрагментами стеклян. сосудовъ, съ лошадиными костями и т. д. Въ томъ же году, въ засѣданіи Общества 25 ноября 1888 г., покойный даль интересный комментарій къ сообщенію гр. Ф. А. Уварова объ его раскопкахъ Курманского могильника, Касимов. у. Рязан. губ., на прав. берегу р. Оки, указавъ на присутствіе среди вещей серебряныхъ фибулъ римско-провинціального типа и оригинальной формы желѣзного наконечника коня, — свидѣтельствующихъ о значительной древности этого финскаго могильника, относящагося къ эпохѣ VI—VIII вв.

Въ 1889 г. весною и осенью В. И. производилъ раскопки въ Дьяковомъ городицѣ, близъ с. Коломенского, подъ Москвой и демонстрировалъ въ обществѣ коллекцію древностей, присланную на выставку VIII Моск. арх. съѣзда изъ Донской области г. Поповыемъ, причемъ обратилъ особенное вниманіе на скиѳскія и греческія древности, въ томъ числѣ на терракотовую голову быка, относящуюся по видимому, къ весьма отдаленной эпохѣ, за 5—6 вѣковъ до начала нашей эры. Въ началѣ 1890 г. В. М. принималъ участіе въ занятіяхъ VIII Московского археол. съѣзда, а лѣтомъ того же года снова отправился въ Смоленск. губ. для раскопокъ кургановъ въ Духовщинскомъ у., по пр. Царевичу и Хмости. Здѣсь въ курганахъ первой группы имъ былъ констатированъ обрядъ трупосожжения, относящійся, судя по найденному диргему, къ Х вѣку, а въ курганахъ второй группы найденъ былъ обрядъ погребенія, который, судя по оказавшимся монетамъ VIII в., былъ въ данной мѣстности болѣе древнимъ. Изъ Духовщинского у. раскопки были перенесены въ Красинскій уѣздъ, затѣмъ въ Могилевск. губ., по теченію р. Осуги, и продолжены вплоть до Гомеля. Всего былъ раскопанъ 61 курганъ съ остатками то погребенія, то трупосожжения. Изъ найденныхъ вещей особенное вниманіе В. И-ча обратили на себя семилепестныя височныя подвески, аналогичныя московскимъ курганнымъ, но иного типа, указывавшія однако, по мнѣнію покойнаго, что распространеніе означенныхъ подвесокъшло у насъ съ запада, вмѣстѣ со славянской колонизацией. Въ томъ же году В. И. продолжалъ раскопку Дьякова городища и занимался, вмѣстѣ съ гг. Липниченко и Янчукомъ, выработкой программы археолог. изслѣдований въ Западномъ краѣ.

Въ 1891 г., въ виду предстоявшаго въ Вильнѣ IX археол.

съѣзда, В. И. взялъ на себя отъ комитета съѣзда порученіе произвести раскопку известнаго Люцинскаго могильника въ Витебск. губ., уже обследованаго по порученію И. Археол. Комиссіи г. Романовымъ. Раскопки В. И-ча были произведены на т. наз. Комаровой горѣ, где найдено похоронное поле, аналогичное Курманскому и Моршанскоимъ могильникамъ. Всего было открыто около 40 костяковъ, лежавшихъ въ направленіи съ В. на З.: женские съ характернымъ головнымъ уборомъ, мужские съ бронзовыми браслетами и гривнами. Всего В. И-чью было вывезено изъ этой поѣздки до 8 пудовъ вещей, общій характеръ коихъ указывалъ на сходство съ культурой древняго могильника ливовъ въ Ашераденѣ, Лифл. губ.

Въ 1892 г. В. И. познакомилъ Арх. Общество съ первыми раскопками въ долинѣ р. Оки В. А. Городцова, заявившаго себя впослѣдствіи такимъ страстнымъ, неутомимымъ и обстоятельнымъ археологомъ, съ трудами по археологіи Волынск. губ. г-на Гамченко, съ находками въ курганахъ Бронницкаго у., Моск. губ. покойнаго А. Я. Кожевникова; въ томъ же году В. М., по просьбѣ покойнаго А. П. Богданова, принялъ на себя обязанность предсѣдателя секціи кургановъ и городищъ на бывшемъ осеню того года въ Москвѣ международномъ археол. конгрессѣ, и при содѣйствіи г. Русакова приготовилъ для выставки при конгрессѣ замѣчательную серію художественно исполненныхъ моделей кургановъ, поступившую потомъ въ Историч. музей и составившую одно изъ цѣнныхъ приобрѣтеній послѣдняго. Объ этой серіи моделей покойный дѣжалъ докладъ на конгрессѣ и неоднократно объяснялъ ее посѣтителямъ выставки.

Весною 1893 г. В. И. снова занимался, на средства, отпущенныя Обществомъ, раскопками Дьякова городища, а осенью принялъ участіе въ занятіяхъ IX Виленскаго археол. съѣзда, на которомъ сдѣлалъ обстоятельное сообщеніе, на основаніи раскопокъ прежнихъ изслѣдователей и собственныхъ, о древностяхъ означенаго городища. Это сообщеніе его, иллюстрированное 8 таблицами, отпечатано во II томѣ «Трудовъ» Виленск. съѣзда. Въ томъ же году онъ произвелъ, вмѣстѣ съ проф. А. Я. Кожевниковымъ, раскопку кургановъ въ имѣніи послѣдняго, въ Бронницкомъ у., и сообщилъ Обществу о раскопкахъ г. Фетисова въ Токмакскомъ у., Семирѣчен. области. Въ слѣдующемъ 1894 г. онъ докладывалъ Обществу рефераты Бугославскаго, Криштафоровича, Люб-Радзиминскаго, Пича, сообщилъ о коллекціи г. Засимовича, а лѣтомъ снова занимался раскопками Смолен. кургановъ по порученію И. Археол. Комиссіи. Въ январѣ 1895 г. В. И. сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ В. А. Городцева на мѣстѣ одной доисторической стоянки въ долинѣ р. Оки, лѣтомъ производилъ раскопки въ с. Спась-Тушино, подъ Москвой, а осенью сдѣлалъ въ Обществѣ интересное сообщеніе о характерѣ художественного стиля височныхъ колецъ изъ кургановъ Моск. и Смолен. губ. Приписывая этимъ кольцамъ-подвескамъ

арабское происхождение и относя ихъ первое появление на почвѣ Россіи къ X вѣку, В. И. показалъ, какъ этотъ видъ украшений измѣнился у насть съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ съ З. на В., покуда наконецъ не принялъ формы извѣстной семилепестной височной подвески, столь характерной для кургановъ Моск. губ. XI—XII вв. Лѣтомъ того же 1895-го года В. И. отправился, по приглашенію Предвод. Комитета X-го рижскаго Археол. съѣзда, для археол. разысканій въ Прибалтійскій край. Но по дорогѣ туда онъ не утерпѣлъ, чтобы не заѣхать еще разъ въ Гнѣздово, где, вмѣстѣ съ Ю. Н. Сперанскимъ, вскрылъ 45 кургановъ съ остатками трупосожженій и пополнилъ ранѣе собранную имъ коллекцію курганныхъ древностей нѣсколькоими новыми типами фибулъ, пряжекъ, медальоновъ и т. д., а также бронзовой монетой Льва Мудраго († 913). Въ Прибалтійскомъ краѣ В. И. произвелъ разыѣзди въ двухъ могильникахъ къ Ю. отъ Митавы, по теченію р. Аа, но особенно занялся раскопками могильниковъ въ Пассельнѣ (въ 55 вер. отъ г. Виндавы), и въ Хазавѣ, где найдена была масса вещей, въ томъ числѣ желѣзи. шлемы, мечи, боевые сбѣки, наконечники копій, удила, шпоры, стремена, косы, серпы, ножи, огнизы, бронзовые вѣски, гривны, браслеты, перстни, фибулы, кресты и сер. монеты XIII—XIV вв.

Ранней весною 1896 г., когда Обществомъ было получено извѣстіе о находкѣ въ одной пещерѣ близь Кутаиса фресокъ на ея стѣнахъ, В. И. вызвался охотно побѣхать для обслѣдованія этой пещеры. Къ сожалѣнію, пещера оказалась простою сталактитовою, безъ всякаго слѣда фресокъ; между тѣмъ поѣзда эта была очень утомительна; пришлось, вслѣдствіе бури, носиться нѣсколько лишнихъ дней по морю и затѣмъ разѣзжать въ сырую и ненастную погоду въ горахъ. Осеню того же года В. И. явился на съѣздъ въ Ригу, где демонстрировалъ и комментировалъ свои находки въ могильникѣ Пассельна. По окончаніи съѣзда онъ отправился, вмѣстѣ съ нѣсколькоими другими членами, по приглашенію проф. Бенценбергера, въ Кёнигсбергъ, Данцигъ и другіе города Вост. и Зап. Пруссіи для ознакомленія съ тамошними музеями и древностями. Заграничная поѣзда эта была не единственою въ жизни В. И-ча. Онъ юздила за-границу нѣсколько разъ, посѣщая Италию, изучая ея художественные памятники и музеи (между прочимъ и въ Равеніѣ), былъ знакомъ съ музеями Парижа, Лондона, Германіи и особенно присматривался къ Прибалтійскимъ древностямъ, разбросаннымъ по музеямъ Коненгагена и различныхъ городовъ сѣверной Пруссіи.

Въ 1897 г., въ засѣданіи Общества 21 сентября, В. И. прочиталъ очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго секретаря, затѣмъ товарища предсѣдателя Общества В. Е. Румянцева, а въ другомъ засѣданіи сдѣлалъ интересное сообщеніе о древнемъ желѣзномъ топорикѣ изъ коллекцій Исторического музея. Это сообщеніе, напечатанное въ «Археол. Извѣстіяхъ» того же года (съ таблицей и

28 рис. въ текстѣ), можетъ быть признано образцовымъ по обстоятельности изученія всѣхъ деталей описываемаго предмета и многообразнымъ сопоставленіемъ, которыми воспользовался авторъ для выясненія художественныхъ мотивовъ орнаментациіи даннаго топорика.

Въ 1899 г. на XI археол. съездѣ въ Кіевѣ В. И. сдѣлалъ сообщеніе о «длинныхъ курганахъ въ Смолен. губ.», встрѣченныхъ имъ по теченію верхняго Днѣпра и р. Вопи, имѣющихъ до 40 арш. въ длину при высотѣ $2\frac{1}{2}$ —3 арш. и заключающихъ въ себѣ остатки трупосожженія. Найденные въ этихъ курганахъ предметы (костяные фигурки лебедей, характерныя бусы, грубые черепки, бронзовыя сосуды, украшенія съ эмалью) указываютъ, по мнѣнію покойнаго, на значительную древность этихъ могилъ, не позже VII—VIII вв., а сравнительная малочисленность такихъ кургановъ—на непродолжительность пребыванія здѣсь насыпавшей ихъ народности. Подробное описание этихъ могилъ В. И. думалъ включить въ свою монографію Смоленскихъ кургановъ,—въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи», изд. И. Археол. Коммісіей. 1-й выпускъ этой монографіи, заключающій въ себѣ результаты изслѣдованій Гнѣздовскаго могильника близъ Смоленска, вышелъ въ 1902 г. (134 стр. 4°, съ 14 табл. и 101 рис. въ текстѣ). О значеніи этой работы можно судить уже по тому, что она основана на данныхъ раскопокъ около 500 кургановъ и что при сравнительномъ изученіи этихъ данныхъ авторъ широко пользовался какъ результатами изслѣдованій другихъ кургановъ, въ той же и сосѣднихъ губерніяхъ, такъ и богатымъ запасомъ собственныхъ наблюденій, добытыхъ при разныхъ раскопкахъ и при изученіи многочисленныхъ коллекцій курганныхъ древностей въ Историческомъ музѣ. Покончивъ съ 1-мъ выпускомъ своего обширнаго труда, В. И. принялъся за подготовку 2-го выпуска, для котораго были уже исполнены таблицы и собраны материалы для текста, но судьба рѣшила иначе, и этому важному археологическому труду суждено оставаться незаконченнымъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что немногіи группы русскихъ кургановъ были изслѣдованы такъ обстоятельно, какъ эта, и что В. И. унесъ съ собою въ могилу массу наблюденій, которая едва ли возможно возстановить по его отрывочнымъ замѣткамъ.

До сихъ поръ я говорилъ о дѣятельности В. И. въ области изслѣдованія доисторическихъ и курганныхъ древностей. Но онъ обладалъ и богатыми свѣдѣніями по исторіи искусства, по русскимъ историческимъ древностямъ, по церковному искусству и иконографіи, и всегда готовъ былъ идти на призывъ Арх. Общ., когда требовалось его содѣйствіе въ разъясненіи вопросовъ, относящихся до этихъ областей вѣданія. Такъ, еще въ 1889 г. онъ участвовалъ въ комиссіи, осматривавшей Моск. Архангел. соборъ, съ середины же 90-хъ годовъ онъ становится дѣятельнымъ членомъ Коммісіи по соображенію древнихъ памятниковъ. Такъ, въ 1894 г. ему было поручено наблюденіе за реставраціей иконъ въ церкви Чудова монастыря; вмѣстѣ съ А. М. Павлиновымъ онъ наблюдалъ за реставра-

цієї іконъ въ Успенскомъ соборѣ и вошелъ по этому поводу въ Общество съ докладомъ о неудовлетворительномъ по его мнѣнію способѣ реставраціи іконъ г. Умецкаго; вмѣстѣ съ г. Оберомъ онъ осматривалъ старинную живопись Богородице-Рождествен. церкви на Бутыркахъ. Въ 1895 г. онъ Ѵздила два раза, по порученію Комм. по сохрн. древн. пам., въ Ярославль для наблюденія за реставраціей стѣнописи въ храмѣ Николы-Мокраго. Въ 1898 г. Коммісія поручила В. И. осмотръ иконостаса и стѣнописи въ соборѣ муж. Высоцкаго монастыря въ г. Серпуховѣ; въ томъ же году онъ докладывалъ о реставраціи іконъ въ соборѣ Измаиловской богоіадельни и принималъ участіе въ осмотрѣ іконописи въ Алексѣевской въ Глинницахъ церкви. Въ 1899 г. онъ докладывалъ объ осмотрѣ іконъ въ ц. Бориса и Глѣба на Поварской, Космо-Демьянскай церкви въ Кадашахъ, церкви Вознесенія въ Таганкѣ, участвовалъ въ осмотрѣ Покровскаго Василія Блаженнаго собора, получилъ приглашеніе отъ Коммісіи осмотрѣть храмъ въ Туничевскомъ мон., Мстиславскаго у. Въ этомъ же году онъ былъ приглашеннъ въ качествѣ представителя отъ Общества къ наблюденію за реставраціей стѣнописи въ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря, и въ засѣданіи Коммісіи 27 мая 1900 г. имъ были изложены основанія, принятые при этой реставраціи, которые и получили одобрение Коммісіи. Въ 1901 г. онъ докладывалъ о фрескахъ, найденныхъ въ соборѣ Троицкой Лавры, которыхъ были затѣмъ осмотрѣны Коммісіей, поручившей В. И-чу (совмѣстно съ В. Н. Щепкинымъ и А. М. Васнецовымъ) наблюденіе за ихъ реставраціей, равно какъ и наблюденіе за производившейся въ томъ же 1902-мъ году реставраціей стѣнописи въ соборѣ Чудова монастыри. Я не останавливалась подробно на этой сторонѣ дѣятельности покойнаго въ Обществѣ, такъ какъ она мнѣ менѣе извѣстна, и я могу судить о ней, главнымъ образомъ, только по протоколамъ засѣданій Комм. по сохрн. др. пам., но уже сказанного достаточно, чтобы видѣть, что и въ этомъ отношеніи В. И. былъ дѣятельнымъ работникомъ. Помню еще, что онъ неоднократно избирался Обществомъ въ члены Ревизіонной Коммісіи и вообще охотно жертвовалъ трудомъ и временемъ для цѣлей Общества, когда въ томъ оказывалась надобность.

Но еще болѣе потрудился В. И. для Исторического Музея. Въ первое время, въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ Ѵздила по порученіямъ Музея на раскопки, хлопоталъ по постройкѣ зданія, по заказу слѣпиковъ, моделей, картинъ, по приобрѣтенію, размѣщенію и обозначенію коллекцій, составляла каталогъ предметамъ; затѣмъ на его обязанности лежало веденіе инвентарныхъ книгъ и составленіе ежегодныхъ отчетовъ по приобрѣтенію коллекцій древностей, отдѣльные предметы которыхъ требовали внимательнаго осмотра и тщательнаго описанія. Ему приходились вести непосредственный и письменный сношенія со многими лицами, быть чичероне для разныхъ иностраницъ и ученыхъ, осматривавшихъ музей или нуждавшихся въ

справкахъ по тѣмъ или инымъ древностямъ; онъ же объяснялъ коллекціи Музея многимъ другимъ посѣтителямъ, членамъ разныxъ съездовъ, воспитанникамъ училищъ, группамъ экскурсантовъ и т. д. Свѣдѣнія и опытность покойнаго въ области археологіи и исторіи искусства вызывали неоднократно приглашеніе его, въ качествѣ свѣдущаго лица, для участія въ ревизіи Оружейной Палаты, устройствѣ разныxъ выставокъ и т. п.; они же послужили основаніемъ къ приглашенію его въ качествѣ лектора на драматические курсы при Театральномъ училишѣ, гдѣ въ теченіе 16 лѣтъ онъ читалъ лекціи по исторіи бытовой культуры и костюма. Въ началѣ 1900-хъ годовъ онъ былъ приглашенъ также директоромъ Имп. театровъ, г. Теляковскимъ, въ качествѣ художника-консультанта по обстановкѣ историческихъ пьесъ и оперъ на Имп. Моск. театрахъ, и работалъ въ этой должности три года, отдавая ей массу труда и времени. Чтобы понять всю трудность и сложность этой должности, достаточно сказать, что для какой-нибудь историч. пьесы нужно было указать подробно требуемые костюмы для всѣхъ персонажей, а также и всѣ предметы обстановки, и не только указать, а и нарисовать, выбрать матеріалъ, объяснить всѣ подробности шиванія, надѣванія и т. п. Какъ добросовѣстно относился покойный къ принятымъ имъ на себя обязанностямъ, видно напр., изъ того, что когда возникъ вопросъ о новой постановкѣ «Жизни за царя», В. И., несмотря на свои старые годы, рѣшился поискать новыхъ матеріаловъ на родинѣ Сусанина, въ Костромской губ. и отправился туда, лѣтомъ нынѣшняго года, на собственный счетъ, трясся тамъ на телегѣ подъ дождемъ по проселочнымъ дорогамъ, посѣщалъ разныя села и деревни, всюду зарисовывая характеръ построекъ, мотивы орнамента, сохранившіеся старые костюмы и т. д., и быть очень доволенъ, что ему удалось добыть кое-что новое и полезное для его цѣлей. Какъ знатокъ искусства и любитель-художникъ В. И. внушилъ къ себѣ симпатію со стороны многихъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ, охотно съ нимъ бесѣдовавшихъ по вопросамъ искусства и, какъ Верещагинъ, Семирадскій, Левитанъ—дарившихъ ему на память свои этюды. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ также сотрудникомъ «Рус. Вѣдомостей»—по части описанія художественныхъ и археологическихъ выставокъ и по другимъ текущимъ явленіямъ въ жизни русского искусства.

Характерною особенностью покойнаго была его необыкновенная отзывчивость, можно сказать горячность, страсть ко всѣмъ интересовавшимъ его фактамъ въ области древностей и русского искусства. Всякий, кто видаль его на раскопкахъ и археологич. экскурсіяхъ, кто былъ свидѣтелемъ его восторга при открытии какого-нибудь нового и интереснаго памятника древности конечно подтвердить мои слова. Для него ничего не значило отправиться куда-нибудь за тысячу верстъ въ надеждѣ сдѣлать тамъ цѣнныя археологическія или художественные находки, для него не было высшаго наслажденія какъ разыскивать остатки старины, проникать

въ ихъ культурно-исторической смыслъ, любоваться памятниками искусства. Года полтора тому назадъ я сообщилъ ему, что въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, при проложеніи канавы для какихъ то трубъ, найдены каменные гробницы; В. И. сильно заинтересовался, захватилъ альбомъ, карандашъ, измѣрительную ленту, и мы туда отправились, причемъ онъ немедленно спустился въ канаву, сталъ разспрашивать рабочихъ, приился обмѣрять, рисовать, искать какихъ-нибудь остатковъ—и вернулся удовлетворенный своей развѣдкой. Нынѣшнимъ лѣтомъ, живя неподалеку отъ него близъ ст. Удѣльной М. Каз. ж. д., я сообщилъ ему, между прочимъ, что проф. А. П. Павловъ обратилъ какъ-то мое вниманіе на одинъ старинный каменный крестъ съ какой-то надписью, находящійся въ д. Сельцѣ у одной изъ станицъ р. Москвы, близъ Рязанского шоссе и большой дер. Островца. Такъ какъ эта мѣстность находилась въ какихъ-нибудь 5—6 верстахъ отъ Удѣльной, то В. И. очень ею заинтересовался и уговорилъ меня побѣхать туда вмѣстѣ, захвативъ съ собой бумаги для муляжа. Отыскавъ крестъ оказавшійся уже по своей формѣ несомнѣнно древнимъ надгробнымъ памятникомъ, В. И. былъ крайне обрадованъ находкой, зарисовалъ крестъ съ двухъ сторонъ, и мы порядочно повозились надъ муляжемъ надписи, которая, хотя не содержитъ года и не указываетъ на общественное положеніе погребенного лица (какого то Севастьянова), однако по характеру визи относится, по словамъ В. И. Щенкина, ко времени ранѣе Ивана Грознаго, къ XV вѣку. По рассказамъ крестьянъ крестъ этотъ находился первоначально ниже, на берегу станицы, а такъ какъ онъ отъ времени упалъ, то его перенесли выше на горку. Старики передавали, что они слышали отъ отцовъ, будто ранѣе туда была дорога и мостъ (или бродъ) черезъ рѣку, которая текла, повидимому, на мѣстѣ нынѣшней станицы. На противоположномъ берегу Москвы рѣки здѣсь возвышается высокій Боровской курганъ, очевидно — городище, покрытое теперь лѣсомъ. Никакого кладбища вблизи креста нѣть, и онъ былъ поставленъ, очевидно, надъ могилой какого-то знатнаго или выдающагося человѣка, погребеннаго особо, у дороги, и притомъ съ поствленіемъ надъ нимъ незауряднаго памятника, въ видѣ большой плиты и фигурно обтесаннаго, орнаментированнаго и снабженаго надписью креста.—Въ это же лѣто, узнавъ отъ меня, что въ участкѣ занимаемой мной дачи есть ибсоколько поросшихъ довольно круными деревьями кургановъ, В. И. заинтересовался и ими и рѣшилъ непремѣнно ихъ раскопать съ согласія арендатора земли, но усиленная занятія въ театрѣ по случаю новой постановки «Жизни за царя» помѣшили ему привести это памѣреніе въ исполненіе.

Въ послѣднее время В. И. начиналъ однако уставать—въ особенности отъ работы въ театрѣ. Хотя его занятія здѣсь сравнительно хорошо оплачивались, но онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ ихъ оставить для того, чтобы имѣть болѣе покоя и досуга для памѣніе.

ченныхъ имъ научныхъ работъ. Предстояло закончить описание Смоленскихъ кургановъ, затѣмъ онъ имѣлъ въ виду написать статью о миниатюрахъ извѣстной Кенигсбергской лѣтописи, хранящейся въ Библ. Академіи Наукъ, и имъ уже обстоятельно изученныхъ; далѣе онъ предполагалъ заняться снова комиановкой картинъ по русской исторії, совершенно ихъ переработавъ и приспособивъ къ учебнымъ цѣлямъ. Но всѣ эти и другіе еще планы оказались запоздавшими; 64 года отразились на организмѣ и внезапная смерть положила конецъ разнообразной дѣятельности.

Я уже замѣтилъ, что В. И. былъ не только преподаватель и изслѣдователь, но что онъ былъ и художникъ, не выдающійся, конечно, художникъ-любитель, но, можетъ быть, нѣсколько болѣе, чѣмъ любитель, такъ какъ онъ понималъ искусство, былъ знакомъ съ его исторіей, начиная съ древнѣйшихъ, доисторическихъ временъ, соединялъ умѣніе художника съ знаніемъ археологии, худож. типовъ и стилей, видовъ орнамента и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ истинный художникъ въ душѣ, любящій искусство, способный имъ восторгаться, смотрѣвшій на самую жизнь, какъ художникъ, не искашій ни достатка, ни протекціи, ни усіхъ по службѣ, ни знаковъ отличія. Онъ оставался всегда тѣмъ же «непрактичнымъ» человѣкомъ, полагавшимъ цѣль жизни въ томъ, что многіе другие считаютъ только средствомъ, побочнымъ занятіемъ или удовольствиемъ. Изъ его товарищѣй по Симферопольской гимназіи нѣкоторые занимаются теперь высокіе посты въ администрації, изъ его товарищѣй по университету и по начальной учительской дѣятельности нѣкоторые состоятъ теперь въ званіи засл. профессоровъ, заслуж. директоровъ и достигли другого видного обществен. положенія. В. И. не умѣлъ достигнуть такого положенія. Онъ трудился сорокъ лѣтъ, былъ и педагогомъ, и ученымъ секретаремъ Истор. музея, работалъ и въ области практической археологии, и въ чисто научной, и въ художественно-археологической и въ художественно-прикладной,—и оставался до конца тѣмъ же скромнымъ и неутомимымъ труженикомъ, тѣмъ же простымъ добрымъ отзывчивымъ человѣкомъ, готовымъ всегда помочь другимъ, хорошимъ товарищамъ, участливымъ наставникомъ, но мало думавшимъ о себѣ, и относившимся, какъ истинный философъ, ко всѣмъ невзгодамъ, терпіямъ и разочарованіямъ жизни. Умеръ онъ—и не оказалось даже денегъ на похороны, а вдовѣ его предстоитъ жизнь на половинную пенсію въ 450 р. Управлѣніе Историч. музея, цѣня дѣятельность покойнаго, вошло, какъ я слышалъ, съ ходатайствомъ объ увеличеніи этой пенсіи, и, надо надѣяться, что ходатайство это будетъ принято во вниманіе. Но я полагалъ бы, что присоединиться къ этому ходатайству, приложивъ къ нему надлежащую мотивировку, могли бы и И. Моск. Арх. Общество и И. Арх. Коммисія, и театр. вѣдомство. Учрежденія, которымъ посвящена была дѣятельность покойнаго, могли бы сообща позаботиться о томъ, чтобы поставить памятникъ на его могилѣ, и чтобы обезпечить судьбу его вдовы. Люди склонны

скоро забывать отъ нихъ отошедшихъ, они склонны часто помнить второстепенное, забывая о существенномъ. Существенно же быть истинно справедливымъ и благожелательнымъ, не забывать общественной дѣятельности сошедшихъ со сцены работниковъ и отдавать должное ихъ памяти и ихъ близкимъ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!